

Часто бывает: разговариваешь почти ежедневно с человеком, видишь его спокойным, вежливым, даже тихим. Человеком, не знавшим ничего, кроме мирного труда. А оказывается, что в далекие и трудные годы войны он показал себя героем.

Федор Петрович Зоткин — старший инженер орготдела облрыболовпотребсоюза — одним своим видом настраивает на добродушие. Потому было даже неожиданностью, когда на слете ветеранов мы увидели Федора Петровича в орденах и медалях. Зоткин прошел весь

врага еще крепче и беспощадней!». Эти слова были написаны в моей орденовской книжке.

Мне не довелось испытать горечи отступления, ведь я начал воевать, когда уже наши наступали. И я видел, как ликовала Украина, и старые деды выходили из украшенных к нашему приходу хат. Они радовались, не веря счастью.

— Неужели это наши? Неужели конец фашистам?

Я воевал, когда наша армия уверенно продвигалась вперед. На запад шли колонны «Катюш». И помню, перед танковым побойшем под Проскуро-

ОРДЕНА СОЛДАТА ЗОТКИНА

беспримерный путь русского солдата от малонизвестной станции Графской до самой Австрии.

Вот что рассказал нам Федор Петрович о тех героических днях.

ЕСЛИ бы вы знали, как часто снится война! Воспоминания тех лет постоянно живут в подсознании. И иногда оживают в снах...

Победа! Мы шагаем через триумфальные арки городов Югославии, Румынии. И румынские мальчики и девочки в русских пилотках и с пионерскими галстуками бросаются нам навстречу. Победа — это цветы на всем нашем пути уже на восток, домой. И командир говорит:

— Выше голову! Начистить ордена! Мы — победители.

И это чувство победителей, освободителей заполняло каждого из нас целиком. И таким легким был путь домой! Тот же путь, тоже пешком, который мы прошли, когда была война...

Я воевал в 68-ой Гвардейской стрелковой дивизии. Был минометчиком, вторым номером. То есть заряжающим. Впервые вступил в бой в августе 1943-го, под селом Михайловка. И было мне 19 лет. И было страшно, как и каждому в первом бою.

Потом пришла закалка, умение окапываться, перебегать под пулями из окопа в окоп, подниматься в контратаку, а потом с криком «Ура!» занимать позиции врага. Все мои сверстники, можно сказать, дети войны. Именно там мы стали взрослыми людьми...

День и ночь мы, бойцы Первого Украинского, шли к Днепру. Наша задача была — переправиться на занятый врагом берег, отвлечь внимание его от места основной переправы. Около месяца наша часть держала этот ложный плацдарм.

И какой это был месяц! Нельзя было ступить шага, чтобы не наткнуться на воронку. Шквал огня. А отступать нельзя. И мы оборонялись, и теряли товарищей и, бывало, не ели несколько дней, и «мессеры» поливали нас огнем с бреющего полета.

Тот, кто выбрался из этого пекла невредимым, может считать, родился в сорочке. За тот бой я получил свой первый орден Красной Звезды. Своими «днепровскими» наградами гордились все. И я орден постоянно носил на груди. Во всех боях. К концу войны на нем даже откололась эмаль.

Нас, минометчиков, боялись. Мы в любое время могли разворачиваться и вступать в бой. Мы обеспечивали навесной огонь, от которого не могли спасти ни дом, ни стены. И мы шли вперед, руководствуясь призывом: «Пусть ваша ярость в бою не знает границ. Бейте

выим была такая мощная артподготовка, какой я со стороны немцев никогда не слышал. И мы обрели уверенность в себе: в атаку идем в рост, улыбаемся. Мол, держитесь, фашисты! В общем мы поняли, что на войне нужно жить, а не бояться смерти. Тогда и воевать легче.

Немцы, конечно, никогда не были легкими противниками. Но в 44-м они, видимо, поняли, что конец близок. Жители одной нашей деревни рассказывали, что стали у них гитлеровцы на постой поздно вечером. Только расположились на отдых, как прибегает дежурный и кричит:

— Там, в поле, русский танк!

Ну, и драпанули они на ночь глядя. А мы пришли только утром. «Танком» же оказалась обыкновенная скирда...

За войну я увидел больше, чем за всю свою 19-летнюю жизнь. Шел через всю Украину, Молдавию, в Кишиневе впервые в жизни увидел, как растет виноград. Получил орден Красной Звезды за взятие Львова. Шли вдоль Дуная по Венгрии, и я умывался дунайской водой. А за взятие Будапешта был награжден третьим орденом Красной Звезды. Считаю, что ничего особенно героического не совершил. Я тогда думал, что все-таки вероятность маленькая, чтоб пуля именно в солдата Зоткина попала. Да и трусом никто из нас не был. Если надо было, допустим при обстреле установить стереотрубу на костеле, устанавливали.

Я ушел на фронт из крестьянской семьи. Помню, как мать плакала: ой, если Гитлер к нам придет, что будет?

Потому мне были хорошо понятны беды польских, венгерских, румынских крестьян. А они встречали нас хорошо. И поговорят, насколько могут, и пошутят. Лучший кусок нам отдавали. Я думаю, что на всей планете люди, которые против войны, обладают добрым сердцем...

Я закончил войну в Австрии. Отправили меня в дни затишья в дом отдыха. Тут и пришло известие о победе. И это было такое счастье, такое!.. Тот, кто на фронте не был, вряд ли сможет в полной мере представить это. Когда я вернулся в часть, увидел очень аккуратные штабеля немецких винтовок, автоматов, даже противогазов.

Был я в войну деревенским парнем. Не особенно подкован в политике, но всей душой ненавидел фашизм и безгранично любил свою милую Родину. Как и все мои друзья-солдаты, я понимал, где зло, которое нужно уничтожить, а где добро. Потому в Австрии у памятника великому композитору Листу мы стояли в молчании.

Записала
Н. КАЗНАЧЕЕВСКАЯ.